

Апокалипсисы и апокалиптические речения: жанровые характеристики и особенности

Савин Г.А.

Определение жанра апокалиптической литературы и ее дифференциальные параметры

Апокалиптика (от греч. ἀποκαλύπτω – ‘открывать’, ‘обнаруживать’, ‘разоблачать’; ἀποκάλυψις ‘открытие’, ‘откровение’) – древний литературный жанр апокалипсисов, т.е. откровений. Апокалиптика тесно связана с эсхатологией и претендует на раскрытие тайного знания, повествуя в иносказательной форме о развитии мира и порядке его завершения^[1].

Термин «апокалиптика» вводится в научный обиход немецкими учеными в начале XIX столетия и обозначает типы систем эсхатологических представлений, отраженных в соответствующей литературе. Само слово «апокалипсис» («откровение») стало термином, по всей видимости, благодаря книге Откровение Иоанна (написана около 95 г. н.э.), которая начинается так:

Откровение Иисуса Христа, которое Ему дал Бог, чтобы показать рабам своим все, чему должно быть вскоре [Отк 1:1].

Разумеется, слово ἀποκάλυψις (апокалипсис) в кн. Отк. 1:1 (Ἀποκάλυψις Ἰησοῦ Χριστοῦ - ‘Откровение Иисуса Христа’) еще не является термином и не имеет отношения к жанру, относясь лишь к имевшему место откровению, которое получил апостол Иоанн. Древние тексты, называемые сейчас апокалипсисами, чаще всего не содержат этого термина и объединяются в свод апокалиптической литературы благодаря определенным параметрам, или дифференциальным характеристикам, обнаруживающим жанрово-семантические

¹ Ирмшер Й., Йоне Р. Словарь Античности. Перевод с нем. – М.: Эллис Лак; С48 Прогресс, 1993. – С. 40.

ское сходство^[2].

Как метко подметил известный американский ученый-библеист Брюс Мецгер, иудейские и христианские апокалипсисы часто характеризуются как «памфлеты для плохих времен»^[3]. И действительно, их предназначение утвердить веру адресата в безграничную силу Всевышнего Бога в трудные времена для определенного избранного Им сообщества. Для борющегося и страдающего народа весть апокалиптических авторов должна вселять надежду и силу. Эти авторы недвусмысленно утверждают: Божий промысел действует в судьбах истории и, вопреки кажущемуся успеху земных тиранов, Его праведный замысел восторжествует.

Для большего прояснения термина «апокалиптика» выделим его четыре взаимосвязанных параметра:

- 1) апокалиптическая эсхатология – система религиозных взглядов, основанных на ожиданиях скорого «конца времен» («конца света») и восстановлении Высшей справедливости;
- 2) эсхатологические (апокалиптические) ожидания (чаяния) читателя – собственные ощущение и переживания реципиента как непосредственного участника разворачивающихся событий драмы истории;
- 3) апокалиптические образы – различные образы (персонажи и детали), часто носящие гротесковый характер, характеризующиеся невозможностью их однозначной визуализации;
- 4) апокалиптическая литература, или просто «апокалиптика» – литературный жанр, развитый в различных культурах и религиях.

Рассмотрим эти параметры более подробно в дискурсе христианства.

Апокалиптическая эсхатология

Апокалиптическая эсхатология представляет собой систему определенных взглядов, связанных с пониманием действительности и порядка конца человеческой истории с точки зрения божествен-

² Ауни Д. Е. Новый Завет и его литературное окружение. – СПб. РБО, 2000. – С.224.

³ Мецгер Б.М. Новый Завет. Контекст, формирование, содержание. / Пер. с англ. (Серия «Современная библеистика»). – 3-е изд. – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2011. – С. 288.

ного замысла. В реальности библейские авторы не предлагают нам достаточно подробного, цельного, связного, завершенного учения, или системы, дающей представление о завершении земной человеческой истории. Нечто подобное, в той или иной степени связности, логичности и относительной завершенности, можно увидеть у так называемых Отцов Церкви и в апокрифической литературе. Однако наиболее продвинутыми в этой области оказались отдельные богословы XIX-XX столетия, в основном консервативного и фундаменталистского толка, выстроившие свои собственные эсхатологические модели.

В богословии эсхатология (от греч. ἔσχατος – ‘последний’, ‘заключительный’ и λόγος – ‘слово’, ‘знание’) – это учение о последнем времени, включая судьбу человека (земная жизнь, смерть, воскресение, суд и посмертное существование) и мира в целом^[4]. Говоря иначе, это раздел систематического богословия, посвященный изучению последних дней и вещей, где рассматриваются вопросы конца времени и завершения Божьей деятельности в мире^[5].

Уже в первые века христианства библейские тексты эсхатологического содержания о Втором Пришествии Христа нашли своих толкователей. Ириней Лионский (II в.) полагал, что Христос придет на землю в шеститысячный год от сотворения мира. Праведные люди, по его мнению, не сразу достигают полного блаженства, состоящего в уподоблении Богу, или в нетлении; напротив, они как бы постепенно восходят к своему Отцу Небесному. Одной из стадий этого восхождения к Создателю является земное царство Христа, в которое праведники вступят после своего воскресения. Этот этап Ириней считал крайне необходимым для торжества справедливости, ведь люди, испытавшие скорби и лишения в этом мире, должны получить плоды своих страданий именно в этом мире, на этой земле. Также Ириней Лионский разработал свое учение об антихристе. На основании книги пророка Даниила, Евангелий, Откровения Иоанна и особенно 2-й главы послания Фессалоникийцам утверждалось, что признаком пришествия антихриста будет разделение царства между десятью царями, причем тот, кто всех устратит и подчинит

⁴ Теологический энциклопедический словарь под редакцией Уолтера Элвелла. – М.: Ассоциация «Духовное возрождение» ЕХБ, 2003. – С. 1434.

⁵ М. Христианское богословие. – СПб.: Изд. Библия для всех, СПбХУ, 1999. – С. 969.

себе, будет в имени своем заключать число 666, что, собственно, и является знаком антихриста. Начало царствования антихриста Ириней относил к 5997 г. от Сотворения мира^[6].

Похожие идеи высказывал также Ипполит Римский (ум. около 263 г.), – автор многочисленных трудов: О Христе и об антихристе; О двенадцати апостолах, и где каждый проповедовал и скончался; О богословии и воплощении; О семи таинствах и др.^[7]. Ипполит Римский считал, что конец настоящего мира последует через 500 лет после рождения Христа, и хотя время Пришествия знает только Отец Небесный, людям, живущим подлинной духовной жизнью, понятны признаки, по которым можно догадаться о времени, когда это все произойдет. Перед Вторым Пришествием будет проповедано Евангелие во всем мире, чтобы таким образом «умножилось число званых святых». Ипполит считал, что в начале последней седмицы настоящего мира явятся Енох и Илия. В течение 1260 дней они будут проповедовать слово Божие, возвещая миру о покаянии. Они – предтечи Христа, как Иоанн Креститель был предтечей Господа Иисуса Христа. Затем явится антихрист, который умертвит этих пророков за то, что они не пожелают воздать ему славу. По мнению Ипполита Римского, антихрист соберет к себе весь иудейский народ, находящийся в рассеянии, и возвестит им, что восстановит страну и построит Иерусалимский храм, – и все это для того, чтобы ему подчинились как Богу. Время правления антихриста – три с половиной года. Цель Второго Пришествия Христа – Суд.

⁶ Сочинение Святаго Иринея Епископа Лионского. Изд. 2-е книгопродавца И.Л. Тузова. /Пер. протоиерея П. Преображенского. – СПб.: 1900. – С. 501 – 526.

⁷ Слово св. Ипполита об Антихристе. В славянском переводе по списку XII в. с исследованием... – М.: Синод. Тип. 1868.– С. 122, 257.; Ипполит Римский. Учение о Христе и Антихристе св. Ипполита, папы Римского. – М. 1873. – С 39; Творения св. Ипполита, еп. Римского. Казан. дух. акад. Вып. 1. Толкования на книгу пророка Даниила. – Казань: 1898. LX. – С. 170; Творения св. Ипполита, еп. Римского. Казан. дух. акад. Вып. 2. О Христе и Антихристе. О кончине мира, об Антихристе и втором пришествии Христовом (подложное). Против Ноэта. Слово на день Богоявления. – Казань: 1898. – С. 130. Частичн. переизд.: Отцы и учителя Церкви III века. – М.: 1996. Т. 207-260. Переизд.: Сергиева Лавра, 1997.; Св. Ипполит Римский. Апостольское предание. /Пер. П. Бурбуруза. // Богословские труды. Сб. 5. – М.: 1970.

Эсхатологические воззрения первых христианских писателей еще не имеют строгой системы и четкости изложения; только александрийская богословская школа в лице Климента Александрийского и Оригена впервые дала христианскому миру относительно строгую эсхатологическую систему^[8].

О единой системе эсхатологических воззрений в современном христианстве не может быть и речи; известный американский богослов-систематик Миллард Эриксон пытается что-то подобное сформулировать, балансируя «между одержимостью эсхатологией» одних христиан и «полным уклонением от нее» других^[9]. В своей классификации эсхатологических учений (точек зрения) он приводит четыре наиболее распространенных; кратко их перечислим с минимальным объяснением.

1. Футуристическая точка зрения. Согласно этой богословской позиции большинство описанных событий произойдет в будущем. Записанное осуществится в конце времен; временной интервал между этими событиями, возможно, будет незначительным.

2. Претерестическая (относящаяся к прошлому) точка зрения. Сторонники этой точки зрения считают, что описанные события происходили при жизни записавшего их автора и, разумеется, относятся к прошлому.

3. Историческая точка зрения. Согласно данной позиции, описанные события ожидалось в будущем, но их предыстория в прошлом; некоторые из них могут разворачиваться прямо сейчас.

4. Символическая точка зрения. Для сторонников данной точки зрения не существует определенной временной последовательности и конкретики событий, изложенных в боговдохновенных текстах; более того, они считают, что событийный ряд апокалиптических текстов имеют надвременную (вневременную) природу и весьма абстрактны. Эти события всегда были, есть и будут.

Очевидно, что все точки зрения в той или иной степени не только опираются на Библию, но и дополняются собственными домыслами и фантазиями богословов, выражающих картину мира и эсхатоло-

⁸ Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. /Страшный суд: время и место. – М.: МИРОС, 1998. – С. 306 – 308.

⁹ Эриксон М. Христианское богословие. – СПб.: Изд. Библия для всех, СПбХУ, 1999. – С. 973.

гические чаяния своих общин, конгрегаций, конфессий и т.п. Поскольку наша работа посвящена, прежде всего, рассмотрению апокалиптической литературы как специфического жанра, мы не видим свою задачу в поддержке той или иной эсхатологической точки зрения или формулировке собственной (пусть это останется объектом систематического богословия), а обратимся к следующему разделу нашего исследования: эсхатологические чаяния, или ожидания читателя (слушателя).

Эсхатологические ожидания читателя адресата и модели коммуникации «я– ты», «я – мы»

Блажен читающий и слушающий слова этого пророчества и исполняющий то, что в нем написано, потому что время близко [Отк 1:3].

Эти строки из Откровения Иоанна создают необходимую атмосферу, в которую постепенно погружается человек, читающий Апокалипсис. Эта атмосфера представляет собой *видимое время*, поскольку пространство, где разворачиваются события, получает временные метки, а время проистекает из наблюдаемого пространства, строится на нем, ограничивается им и имеет в нем свой горизонт. Время становится видимым как упорядочивание пространства или как его разрушение^[10]. Адресат апокалипсиса – это человек, здесь и сейчас «читающий и слушающий слова этого пророчества», он является непосредственным адресатом текста. Кто этот человек? Ты – этот человек. Именно Ты, здесь и сейчас, оказался тот, кто самым непосредственным образом стал вовлечен в порядок событий глобальной драмы мировой истории. Вся история человечества оживает на Твоих глазах, теперь Ты в состоянии определить свое место в этой истории, понять на каком этапе этой истории Ты находишься. Смысл событий, которые имеют место сегодня, все четче и четче прорисовывается перед Твоим мысленным взором в свете событий вчерашних и завтрашних дней, суть которых объясняет тебе автор. Богородивший автор для Тебя уже не отдаленный рассказчик, стоящий по ту сторону занавеса, а собеседник, от которого Тебе

¹⁰ Князева Е.Н. Образы сознания и паттерны самоорганизации//Визуальный образ (Междисциплинарные исследования) [Текст]/Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. И.А. Герасимова. – М.: ИФРАН, 2008. – С. 63.

предстоит узнать что-то особое и неожиданное о Себе, Твоих родных и близких, Твоей стране, народе и о судьбе всего мира, судьба которого будет трагичной, но справедливой. Итак, Твое время пошло, и развязка близка!

Особенностью человеческого мышления, четко фиксируемой естественным языком, является *языковой эгоцентризм* (не путать с эгоизмом и эгоцентризмом как поведенческими моделями!). Каждый из нас, будучи *языковой личностью*^[11], представляет собой мыслящий субъект, он же субъект речи, который всегда ставит себя в центр любого события, любой ситуации, – проще говоря, я – это всегда центр Вселенной. Рассматривая семантику лица как грамматической категории, А.В. Бондарко отмечает следующее:

В целом семантика лица представляет собой полевую структуру, в которой выделяются центр и периферия, причем в каждой из этих сфер намечается определенная иерархия. В содержании личности вершинное положение занимает 1-е лицо «я», представляющее говорящего. С ним соотносится 2-е лицо «ты» («мы» и «вы» по отношению к «я» и «ты» занимают подчиненное положение, поскольку значения «мы» и «вы» представляют собой указания на классы лиц, включающие соответственно «я» и «ты»). Ближайшую периферию семантики личности представляет собой та сфера семантики 3-го лица, которая связана с указанием именно на лицо (лица). Сфера «третьих лиц» активно взаимодействует с семантическим ядром личности. То же следует сказать и о семантике обобщенности (связанной с обобщенным и модифицированным отношением к говорящему и слушающему) и неопределенности (связанной прежде всего с неопределенностью «третьих лиц»). Что же касается предметного 3-го лица, то оно имеет явно выраженный периферийный характер, поскольку речь идет о внешней среде, противопоставленной собственно лицам, которые либо реально участвуют, либо могут участвовать в акте речи»^[12].

Таким образом, все можно свести к следующей упрощенной модели речевого взаимодействия: я говорю, ты слушаешь; если имеет место монолог («я – ты»); при диалоге происходит мена субъектов

¹¹ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 4-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 23.

¹² Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка /Рос. академия наук. Ни-т лингвистических исследований. – М.: Языки славянской культуры (Studia philologica), 2002. – С. 545.

речи, – теперь ты говоришь, а я слушаю («я – ты»/«ты – я»). Он (она, оно) не является участником разговора, хотя и может быть его молчаливым свидетелем, на которого не обращают внимания беседующие.

Итак, дискурс апокалиптических текстов предполагает повышение уровня адресата (читателя, слушателя), как минимум, с привычного уровня 3-го лица до уровня 2-го лица. Теперь Ты, дорогой читатель книги Откровение и любого другого апокалиптического текста, уже не просто молчаливый свидетель удивительной беседы, а полноправный собеседник. Это Тебе и про Тебя говорят!

Однако это не предельный уровень повышения статуса адресата. Как было отмечено выше, в содержании персональности вершинное положение занимает 1-е лицо «я», представляющее говорящего; «мы», занимает подчинительное положение, но, становясь *инклюзивным* (от лат. include ‘включать’, ‘заключать’), может сыграть свою неповторимую роль психологического воздействия на адресата.

Особенностью жанра апокалиптики является образ автора, который чаще всего принадлежит миру текста, – такого автора принято называть *диегетическим* на ряду с автором *экзегетическим*, т.е. повествователем или нарратором, не принадлежащим миру текста^[13]. Еще диегетический автор называется *эксплицитным* (соответственно, экзегетический автор – имплицитный), что подчеркивает его главное свойство – наличие полноценного существования в двух мирах: в мире текста (денотативном пространстве текста), которому принадлежат описываемые автором персонажи, события, действия, детали и т.п. и принадлежность реальному миру, в котором находится адресат^[14]. Так употребление личного местоимения 1-го лица, множественного числа «мы», по отношению к адресату диегетическим автором, может создать неповторимый коммуникативный эффект *инклюзивности*, или включения, где автор полностью разрушает барьер свой/чужой, подкупая своего читателя или слушателя искренностью и открытостью, вводя его в свой собственный, закрытый от других мир. Преисполненный эсхатологических ожиданий апостол Павел в 1-ом послании Коринфянам сообщает своим чита-

¹³ Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 201.

¹⁴ Там же: – С. 203.

телям следующее:

Вот говорю вам тайну: мы не все умрем, но все изменимся, во мгновение ока, при звуке последней трубы. Она вострубит, и мертвые восстанут в нетлении, а мы изменимся [1Кр 15:51-52].

Со своим читателем Павел делится самым сокровенным (μυστήριον ὑμῖν λέγω), сообщая о тайне удивительного мгновенного изменения природы физического тела христианина, о воскресении в нетлении «умерших во Христе» и, главное, скорых сроках данных событий, участниками и свидетелями которых он и его единомышленники должны стать. Не последним моментом в этом апокалиптическом речении является инклюзивное «мы», которое не выражено личным местоимением в тексте на языке оригинала (что грамматически и не предполагается из-за избыточности), как это сделано в переводе, но, тем не менее, зафиксировано личными формами глаголов 1-го лица множественного числа οὐ κοιμηθήσόμεθα – ‘не умрем’ (досл. ‘не уснем’) и ἀλλαγήσόμεθα – ‘изменимся’. Употребляя данные формы, автор вводит своего читателя в свой уникальный тесный круг закрытого общения, где чужому не место.

Итак, особенность апокалиптических речений и жанра апокалиптики в целом заключается в том, что статус адресата, читателя или слушателя, значительно повышается от уровня стороннего наблюдателя 3-го лица, порой не только до уровня полноправного коммуниканта, собеседника уровня 2-го лица (модель коммуникации «я – ты»), но может занять и вершинное положение уровня автора: «я – мы». «я такой же, как и вы, – сообщает нам боговдохновенный писатель, – что произойдет со мной, будет и с вами; это будет в свое время, но об этом дано знать только нам».

Апокалиптические образы

Апокалиптические тексты – как Священного Писания, так и апокрифические – остаются сложными и во многом нерасшифрованными для читателя. Одной из проблем такой трудности их восприятия является сложная визуализация описываемых объектов (персонажей, событий, действий, деталей), поскольку визуальный образ объекта создается автором в сознании адресата через весьма своеобразный авторский фокус зрения; именно его глазами читатель

должен увидеть описываемый объект. Например, представьте себе огромный многоэтажный дом с крышей, как свинцовое грозовое облако, с пурпурными стенами, с блистающими окнами, в которых отражаются мощные бушующие волны океана. Козырек парадного входа этого дома поддерживается дорическими мраморными колоннами, украшенными замысловатыми узорами, гранитная лестница отделана золочеными узорами и переливающимися картинами с изображениями природы разных уголков нашей прекрасной планеты. Издали этот дом кажется как бы стоящим за горизонтом, поскольку его первые этажи еще не видны, а последние уходят за облака. Приближаясь к этому дому, кажется, что он наклоняется к тебе, как бы приветствуя своего посетителя. Попробуйте, нарисуйте это!

А теперь, уже более серьезно, прочитаем и попытаемся представить себе следующее:

(12) И повернулся я, чтобы увидеть голос, который говорил мне. И повернувшись, я увидел семь золотых светильников (13) и посреди светильников Некто подобный Сыну Человеческому, одетый в длинные одежды, опоясанный золотой перевязью (14). И были голова и волосы Его белы, как белая шерсть, как снег; и очи Его – как пламя; (15) и ноги Его подобны бронзе в печи в печи выплавляемой; и голос Его – как огромный водопад. (16) Он держал он правой руке Своей семь звезд, а из уст Его извергался меч, заточенный с двух сторон, и лицо Его – как солнце, в жаркий полдень палящее [Отк 1:12-16 (перевод СГ)].

Перед нашим мысленным взором Иоанн рисует образ Иисуса Христа, воскресшего, вошедшего на небеса и сидящего одесную Отца. Но каков этот образ? Если в Евангелиях мы видели внешне вполне обычного человека, – проповедующего, молящегося, исцеляющего, устающего, спящего и т.п. (и мы знаем, помним и любим Его именно таким, как Пастыря Доброго, нежно заботящегося о своих овечках), – то в книге Откровение Он предстает перед нашим мысленным взором совершенно иным: это уже неизвестный нам ранее Иисус, теперь Он Грозный Владыка, Пантократор (Вседержитель). Такой поворот событий пугает нас, поскольку все идет от известного к неизвестному. Неудивительна и реакция Иоанна на увиденное и услышанное: «И когда я увидел Его, пал к ногам Его как мертвый». Комментарии, что называется, излишни.

Специфической особенностью апокалиптических образов является то, что это – *мыслеобразы*, которые практически не могут быть детально проработаны нашим воображением, т.е. быть визуализированы из-за их недосказанности и формальной нелогичности^[15]. Под визуализацией подразумевается видение в широком смысле слова, т.е. способность делать зримыми объекты и процессы. Видение предполагает знание, осознание, понимание. Видение-понимание дается не только через зрение, но и через другие чувства: осязание, слух, вкус, обоняние. Видение как состояние переживается тонко-разумными эмоциями. В этом значении визуализация совпадает с воображением как способностью конструировать чувственный и ментальный образ^[16].

Текст, который является объектом нашего изучения, – это письменная форма речи, воспринимаемая адресатом посредством слуха, чаще всего внутреннего слуха, или чтения про себя. Приступая к толкованию текста, мы должны исходить из того, что существуют несколько реальностей, с существованием которых нам необходимо считаться; это:

объективная, или (подлинная реальность) → объективная реальность, считанная автором → реальность, изображенная автором в тексте (денотативное пространство текста), → реконструкция реальности, изображенной в тексте (денотативного пространства текста), в сознании адресата.

В эту цепочку можно включить и переводчика (со всеми этапами его восприятия и порождения текстов), посредством которого нам становится понятен древний текст на нашем родном языке, но мы не будем этого делать, усложняя и без того непростую задачу.

Автор апокалиптического произведения может ввести нас только в мир денотативного пространства текста, которое субъективно преломится в нашем сознании. К сожалению, объективная реальность, в которой оказался боговдохновенный автор, и которую он сканиро-

¹⁵ Князева Е.Н. Образы сознания и паттерны самоорганизации // Визуальный образ (Междисциплинарные исследования) [Текст]/Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. И.А. Герасимова. – М.: ИФРАН, 2008. – С. 66.

¹⁶ Герасимова И.А. Визуальный образ (Междисциплинарные исследования) [Текст]/Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. И.А. Герасимова. – М.: ИФРАН, 2008. – С. 10.

вал, при всей своей объективности и подлинности своего существования, останется для его адресата недостижимой. Все мы, читатели, останемся со своим собственным представлением о том, что хотел сказать автор. Для объяснения этой ситуации как нельзя лучше подходит описание переживаний самого Иоанна:

И был я в духе в день господний, и услышал позади себя громкий голос ... [Отк 1:10].

«Быть в духе» значит, подобно Иоанну, остаться наедине с Богом, с самими собой и автором, рассказывающим дивную историю. Апокалипсис не предполагает «коллективного прочтения», как и не может быть коллективного рождения или коллективной смерти, даже если она разом настигает десятки или тысячи людей в один момент. Апокалиптический дискурс – это речевая ситуация почти полного одиночества читателя во вселенной перед лицом разворачивающейся драмы истории. Мы напряженно вслушиваемся в каждое слово, но нам не все понятно, и в этом нет чьей либо злой воли, – автор не затрудняет сознательно или преднамеренно восприятие своего текста, наше восприятие объективно затруднено спецификой жанра: увиденное и услышанное автором настолько потрясающе, что оно просто подавило и почти раздавило его самого; у него нет адекватного языкового или какого-либо другого инструментария, чтобы передать увиденное, по тому и нет смысла пытаться поймать автора «за язык», указывая на нелогичности, непонятности, неточности или противоречия изложения. «Да, – скажет вам боговдохновенный писатель, – вам бы там оказаться, а я бы посмотрел на вас, как вы это все опишите!»

Итак, что же делать и как понимать эти мысле-образы? Во-первых: как минимум, мы должны смириться со своей субъективностью, осознавая, что объективная реальность для нас останется недостижимой. Во-вторых: понять, что наше понимание может и имеет право быть не понято и не принято другими. В-третьих: мы можем и имеем право не понимать других, не потому, что мы этого не хотим, просто физически нам это невозможно^[17]. В-четвертых: боговдох-

¹⁷ Бескова И.А. Индивидуальная реальность и дискурс самопредъявления человека // Образы сознания и паттерны самоорганизации // Визуальный образ (Междисциплинарные исследования) [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. И.А. Герасимова. – М.: ИФРАН, 2008. – С. 168.

новенный автор позволяет нам импровизировать и фантазировать, собирая из сказанного и недосказанного свои собственные целостные образы, которые являются субъективным порождением нашего внутреннего мира, нашего личного опыта.

Итак, каждый «читающий слова пророчества сего» построит свой собственный образ воскресшего Христа, ангелов, Вавилонской блудницы или дракона. Отдельные детали и подробности во всей своей противоречивости и кажущейся несуразности сложатся в сознании в целостный образ, который будет понятен прежде всего ему самому с учетом возможностей собственного воображения, собственного духовного и житейского опыта. То, что оказалось недосказано автором, будет достроено фантазией читателя, и это будет не менее мощно и ярко, – все это предусмотрено жанром апокалиптических произведений, и в этом их неповторимая особенность.

Ранняя христианская апокалиптическая литература: спорные тексты

Рассматривая христианскую апокалиптическую литературу в целом можно отметить, что она отчасти из-за вопросов авторства, с одной стороны, и из-за специфики жанра, с другой, вызывала большое количество споров на предмет ее полезности и каноничности. Так в III в. н.э. церковь проводила различие между *апокрифами* (от греч. ἀπόκρυφος – ‘скрытый’, ‘сокровенный’, ‘тайный’) и *каноническими* (от греч. κανόνες) текстами, однако некоторое время между ними существовала некоторая прослойка из произведений, которые считались спорными (греч. ἀντιλεγόμενα), церкви потребовалось некоторое время, чтобы определиться с их статусом. В эту последнюю группу входили сочинения, пользовавшиеся популярностью и авторитетом в некоторых общинах. Так к спорным произведениям относились Дидахе, Послание Варнавы, «Пастырь» Гермы, 1-е и 2-е послание Климента. На Западе до IV в. не признавали Писанием послание Евреям, а Восточная церковь довольно долго причисляла к спорным Откровение Иоанна^[18].

¹⁸ Лёзов С.В. История и герменевтика в изучении Нового Завета. – М.: Изд. Восточная литература РАН, 1996. – С. 35.

Современному исследователю раннего христианского наследия предоставлен огромный свод собственно апокалиптической литературы и произведений, содержащих апокалиптические рассказы и речения (как, например, Мф 24: 42-44, 25:13; Мк 13:35-37 и т.п.). Мы не беремся перечислить все эти тексты, даже находящиеся в нашем непосредственном доступе; сфокусируемся лишь на трех ее наиболее ярких образцах, которые, пройдя через горнило богословских споров, оказались по разные стороны баррикад: один стал частью новозаветного канона, а другие за его пределами, – речь пойдет о книге Откровение (Αποκάλυψις), Дидахе (Διδαχή) и «Пастыре» Гермы (Ποιμήν).

Глобальная эсхатология Откровения Иоанна

Каноничность книги Откровение не была столь очевидной для христиан первых четырех столетий, как для нас это выглядит сейчас. В своей Церковной истории Евсевий Памфил (Кесарийский) описывает размышления Дионисия по этому поводу так:

Были и до нас люди, совершенно отвергавшие эту книгу; пересматривая главу за главой, указывая на ее непонятность и бессвязность, они объявили ее подложной. Они говорят, что она не принадлежит Иоанну, что под густым слоем невежества тут нет никакого откровения, что автор этой книги не был ни только апостолом, но вообще не принадлежал к святым и к членам Церкви, и что в ней облагородить свои вымыслы, заслуживающими доверия, пожелал Керинф, основатель ереси, его именем названной. <...> Я бы не осмелился отвергнуть эту книгу – многие братья ею увлекаются. Я считаю, что она превосходит мое разумение, и предлагаю, что ее предмет заключает в себе таинственный и дивный смысл. Я его не понимаю, но думаю, что в этих словах заложен смысл более глубокий. Я не измеряю его по собственному разумению и не сужу о нем, но, полагаясь больше на веру, думаю, что тут есть мысли, по своей высоте мне не доступные. Я не отвергаю того, чего не могу охватить своим умом, а удивляюсь тем больше, чего не видел¹⁹.

Наиболее спорным вопросом относительно подлинности данной книги был вопрос авторства, несмотря на то, что имя автора упоми-

¹⁹ Евсевий Памфил. Церковная история // Богословские труды/ Московская Патриархия. – М.: 1982 – 1985.– С. 267 – 268

нается в тексте четыре раза:

Откровение Иисуса Христа, которое Ему дал Бог, чтобы показать рабам своим все, чему должно быть вскоре. И показал, послав это через ангела своего рабу своему Иоанну ... [Отк 1:1];

Иоанн – семи церквям в Азии ... [Отк 1:4];

Я – Иоанн, брат ваш и соучастник в страданиях и в царстве и терпении в Иисусе [Отк 1:9];

Я – Иоанн, слушающий и видящий это все ... [Отк 22:8].

Однако в первой половине II в. некоторые духовные лидеры были уверены, в том, что ее автором является именно ученик Иисуса Христа Иоанн. Так Иустин Философ и мученик в своем Диалоге с Трифоном иудеем (гл. 81) пишет следующее:

Кроме того, у нас некто именем Иоанн, один из апостолов Христа, в Откровении бывшем ему предсказал, что верующие в нашего Христа будут жить в Иерусалиме тысячу лет ... [20]

Но, так или иначе, какими бы ни были особенности этой книги, у нее много сходств с Ев. от Иоанна в языковом отношении; например, слово ἀληθινός (алетинос) ‘истинный’ десять раз встречается в Откровении и девять в Ев. от Иоанна и только один раз в посланиях ап. Павла. Глагол νικάω (никао) ‘побеждать’ в различных формах, одно из любимых слов автора Откровения и Посланий Иоанна. Глагол σκηνόω (скиноо) ‘обитать’ можно найти только в текстах Иоанна^[21].

Существует мнение, что книга Откровение была написана в период правления Нерона, то есть к 70 гг. I в. н.э., однако большинство исследователей датирует эту книгу периодом правления Домициана (81-96 г. н.э.), полагая, что именно этот император сослал апостола

²⁰ Иустин философ и мученик. Сочинения святого Иустина философа и мученика. Творения // Разговор с Трифоном Иудеем.–М.: Университетская типография, Страстной бульвар. Пер. прот. П. Преображенского. Отдел I, 1892. Репринт 1995. – С. 267.

²¹ Открытая Библия / Откровение Святого Иоанна Богослова. Вводная статья. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. Thomas Nelson INC., Publishers. Nashville Tennessee, USA. Дверь надежды (Door of Hope 1991.) – С. 386.

Иоанна на остров Патмос^[22]. Кроме того, семь упомянутых церквей представляют собой уже достаточно развитые общины, которые вряд ли могли структурно сложиться до 70 года в то, что мы читаем у Иоанна.

Истолкование книги Откровение всегда было сопряжено с большими трудностями; все усилия предпринятые экзегетами за все века существование Церкви не привели их к единому мнению. Толкованием этой книги занимался даже великий английский ученый, физик и математик Исаак Ньютон. Проводя анализ текстов книги пророка Даниила и Откровения Иоанна Богослова, Ньютон занимался поиском и расшифровкой метафор в библейских текстах с целью перевода образного языка пророчеств на язык географии и истории. Особое внимание автор также уделял исследованию цифр и дат (например, в главах О Семидесяти седминах, О годе рождения Иисуса). В «Замечаниях на Книгу пророка Даниила и Апокалипсис Св. Иоанна» производится интересный сопоставительный анализ данных текстов, в котором рассматривается отношение автора Апокалипсиса к пророчеству Даниила, а также к Закону Моисея, поклонению евреев в Иерусалимском храме и многое другое^[23]. Список исследователей книги Откровение насчитывает сотни ученых, богословов, мистиков и т.п., однако среди множества точек зрения можно выделить четыре основные позиции, или версии:

- 1) позиция подразумевающая, что все описанное в Откровении (за искл. Отк 21 : 22) относится к временам Римской Империи; т.е. исполнение пророчеств Иоанна в будущем уже не ожидается;
- 2) позиция подразумевающая, что кн. Откровение сообщает своему адресату о событиях, связанных с Вселенской Церковью, от времен Иоанна (момента написания) до Второго Пришествия Господа;
- 3) версия, что все события, описанные в книге, относятся к будущему, возможно отдаленному;
- 4) отказ от попыток соотнести увиденное Иоанном с ходом исторического процесса, рассматривая книгу как широкомас-

²² Там же: – С. 368.

²³ Ньютон И. Замечания на Книгу Пророка Даниила и Апокалипсис Св. Иоанна. В двух частях – М.: Пер. с англ. Книга по Требованию, 2011. – С. 4.

штабное полотно, на котором изображена борьба сил зла против Бога и Его святых и запечатлена окончательная победа Господа и Спасителя Иисуса Христа^[24].

Несмотря на множественность интерпретаций, Откровение – единственная пророческая книга в Новом Завете, в которой делается акцент на усилиях демонических сил остановить и предотвратить намерения Христа учредить Свое царственное правление на Земле. Однако автор недвусмысленно доносит до своего читателя, что эта борьба закончится полным поражением дьявола и всех темных сил, стоящих за ним. Установлению вечного царства Христа ни что не помешает, хотя христианам придется много страдать, а некоторым и расплатиться собственной жизнью за свои убеждения. Вековечная вражда и борьба сил света и сил тьмы окончится последним судом перед великим белым престолом при появлении Нового Иерусалима, и в этом должен быть уверен каждый христианин.

Композиция и общее содержание книги следующее:

Введение. Превознесенный Христос (1:1-20).

I. Послание семи церквям (2:1 – 3:22).

II. Описания видений, начинающиеся словами: *Μετὰ ταῦτα εἶδον, καὶ ἰδοὺ* – ‘После этого я увидел, и вот я видел’ ... ; *Καὶ εἶδον* ... – ‘И увидел ...’ (4:1 – 5:14).

1. Отверстая дверь на небе (4:1).

2. Престол на небе (4: 2 – 11).

3. Книга, запечатанная семью печатями (5:1).

4. Вопрос ангела (5: 2 – 5).

5. Явление ангела (5 : 6 – 10).

6. Поклонение Агнцу (5 : 11 – 14).

III. Семь печатей (6 : 1 – 8 : 1).

IV. Семь труб (8 : 2 – 11 : 19).

V. Описание знамений, начинающиеся словами: *Καὶ σημεῖον μέγα ὄφθη* ... – ‘И знамение великое было явлено ...’ ; *καὶ ὄφθη* – ‘И было явлено ...’ (12 : 1 – 14 : 20).

²⁴ Ринекер Ф., Майер М. Библейская Энциклопедия Брокгауза. Более 6000 ключевых слов к личностям, истории, археологии и географии Библии. Русское издание 1999. Пер. с нем. Иванов В.М., Карельский А.А., Щедровицкий Д.В., под общ. ред. В.А. Цорна. Изд. Христианская зоря. – Кременчуг, Украина, 1999. – С. 677.

1. Жена в родовых муках (12 : 1 – 2).
2. Красный дракон (12 : 3 - 17).
3. Первый зверь (13 : 1 – 10).
4. Второй зверь (13 : 11 – 18).
5. Агнец и 144 тыс. искупленных (14 : 1 – 5).
6. Три ангела (14 : 6 – 13).
7. Жатва и сбор винограда (14 : 14 – 20).
- VI. Семь ангелов и семь чаш гнева (15 : 1 – 16 : 21).
- VII. Конец времен (17 : 1 – 22 : 5).
1. Суд над Вавилоном (17 : 1 – 19 : 4).
2. Брак Агнца (19 : 5 - 10).
3. Явление Господа (19 : 11 – 16).
4. Суд над зверем и лжепророком (19 : 17 – 21).
5. Тысячелетнее царство (20 : 1 – 10).
6. Последний суд (20 : 11 – 15).
7. Новое небо и новая земля (21 : 1 – 22 : 5).
- Заключительные предупреждения (22 : 6 – 21).

Несмотря на то, что композиция Откровения далека от идеальных пропорций, тем не менее, в ней прорисовывается число «семь»: семь посланий, семь печатей, семь труб, семь чаш; да и общая композиция книги делится на семь частей, что вольно или невольно побуждает читателя заняться хотя бы примитивными математическими вычислениями, соотнося их с личной и глобальной эсхатологией.

Эсхатология освящения в Дидахе

Учение Господа через двенадцать Апостолов (Διδαχή Κυρίου διὰ τῶν δώδεκα ἀποστόλων), сокращенно Учение, или Дидахе (Διδαχή) – памятник ранней христианской литературы (прим. 125-й г. н.э.), обнаруженный в одной из Константинопольских библиотек Никомидийским Филофеем Вриеннием и издан в 1883 году^[25]. Удивительно, но факт, что больше всего переводов Дидахе было сделано именно

²⁵ Сидоров А. Διδαχή Κυρίου διὰ τῶν δώδεκα ἀποστόλων (Учение Господа через двенадцать апостолов) // Βιβλιοθήκη τῶν κλασσικῶν καὶ Θεολογικῶν κειμένων σταελληνικά καὶ τὰ ρωσικά (Библиотека классических и богословских текстов на греческом и русском языках). Святая Русь. Страницка о. Андрея Сиднева, 2004. – С.2. <http://holyrussia.narod.ru>.

на русский язык (на сегодня сделано одиннадцать переводов), – одним из переводчиков был великий русский писатель Лев Николаевич Толстой^[26].

Судьба произведения была непростой: в древней Церкви Дидахе получило большую известность; например, Климент Александрийский причислял его к книгам Священного Писания Нового Завета, нисколько не сомневаясь в апостольском достоинстве произведения. Постепенно, вероятно в течение V в., Дидахе выходит из церковного употребления, его перестают читать и переписывать. Учение Дидахе простое: его основу составляет учение о Святой Троице, которое дается в самых общих чертах, а также говорится о религиозно-нравственном образе церкви, как сообществе, в котором не должно усматриваться никаких мирских интересов. Цель существования церкви – совершенствование в Божьей любви и святости, в постоянном совершенствовании в вере и подготовке к вечности. Конечная задача церкви – достижение Царства Божия. Церковь, по мнению автора Дидахе, не ограничивается каким-либо местом или народом, но распространяется по всем концам земли. Будучи рассеянны повсюду, подобно хлебным зернам, христиане составляют единое Тело, как хлеб, испеченный из многих хлебных зерен:

О преломляемом же [хлебе]: благодарим Тебя, Отче наш, за жизнь и познание, которое [Ты] дал нам через Иисуса, Дитя Твое. Тебе слава во веки! Аминь! Как этот преломляемый [хлеб], быв рассеян [в зернах] по холмам и собран оказался во едино, так да будет собрана церковь от всех концов земли в Царство Твое, потому что Твоя есть слава и сила во веки! Аминь! [Дид10:6 (перевод СГ)]

Помимо идеи единства церкви в Дидахе, под влиянием кумранского учения о двух духах, дается несколько переработанное наставление христианам «о двух путях: пути зла и пути добра», а также эсхатологическая периодизация^[27]. Период до наступления послед-

²⁶ Игумен Иннокентий (Павлов). Учение Двенадцати Апостолов. Перевод игумена Иннокентия (Павлова). Введение В.С. Соловьёва (к изд. 1886 г.). Вводная статья игумена Иннокентия (Павлова). – М.: Изд. Учебно-информационного экуменического центра ап. Павла, 1996. – С. 7.

²⁷ Зубер-Яникум Н.Е. От Кумрана до Новозаветного канона: основные этапы формирования мессианско-эсхатологического культа Учителя праведности/ Под ред. А.Е. Грузова. – СПб.: Алетей, 2004. – С. 166-167.

него часа, в течение которого идет подготовка к суду Божьему, – 1-ая эсхатологическая фаза. Это период достижения совершенства в праведности, период искупления грехов под «игом Господним»:

Если можешь понести все иго Господа, достигнешь совершенства; если не можешь всего, делай, что можешь [Дид 6:2].

Это своего рода подготовительный период, в течение которого зародышем или прообразом грядущего Божьего Царства на земле является церковная община. В течение первой эсхатологической фазы задача членов общины заключалась в том, чтобы стать готовыми к суду Божьему, объединившись вокруг своего ядра, – святых, совершенных в вере – и расти количественно.

Условием причастности к общине, а затем и к вечной жизни в Царстве Божьем на земле, считается совершенствование в праведности. Пока длится первая эсхатологическая фаза, внимание членов общины также обращается на привлечение новых членов, но чтобы спастись не достаточно только одного членства, необходимо достигать совершенства:

Часто собираетесь, ища необходимое для душ своих; но не принесет вам пользы все время веры вашей, если не достигните совершенства во время последнее [Дид 16:2].

Эта же мысль содержится в эсхатологической формуле 3-й евхаристии:

Да придет благодать, и да придет мир этот! Аминь! Осанна дому Давида! Если кто свят, да приходит; если кто нет, да покается! Маранафа! Аминь! [Дид 10:6].

Получается, что «вера» в Дидахе не критерий, а начальный компонент в совершенствовании духовной жизни, или комплекса спасения. Примечательно, что в Дидахе нет паулинистического приоритета «веры» перед «делами». Прозелитов торопят и обнадеживают:

Бодрствуйте над жизнью вашей! Да не погаснут светильники ваши, и одежды ваши да не будут распахнуты, но будьте готовы! Ведь не знаете времени, в которое Господь придет! [Дид 16:1].

Все это говорит о «последнем часе», который может наступить внезапно, в любое время при жизни данного поколения, что, собственно, ожидал и Павел, и другие боговдохновенные авторы. Од-

нако есть некоторая разница в эсхатологии Дидахе и новозаветных авторов [Мф 24: 42-44, 25:13; Мк 13:35-37; Лк 12:35-40; 1Кр 10:11; 1Пт 1:20]. Несмотря на то, что автор (авторы) Дидахе проникнуты эсхатологическими ожиданиями, конец дней еще не наступил, хотя и ожидается в скором будущем. И причина в том, что члены общины должны успеть стать совершенными согласно изложенным правилам до наступления конца^[28]. Апостол Павел, по всей видимости, уже ощущает себя в самом конце последней фазы, в преддверии момента, «когда мир увидит Господа, грядущего на облаках небесных» [1Кр 10:11; 1Кр 15:51-52].

Вторая эсхатологическая фаза Дидахе фиксирует эсхатологическую периодизацию, следующую из Дамасского документа^[29]: конец дней; воскресение всех мертвых (как верующих, так и неверующих); приход мессии («Господа»); суд Божий и затем установление Царства Божьего^[30].

Практическая эсхатология Пастыря Гермы

Ярким примером апокалиптической литературы является книга Пастырь Гермы. Подобно тому, как каноничность книги Откровения в некоторых христианских общинах подвергалась сомнению, шли споры о каноничности апокрифических книг; среди них был Пастырь Гермы. О Пастыре Евсевий пишет следующее:

²⁸ Зубер-Яникум 2004 – Зубер-Яникум Н.Е. От Кумрана до Новозаветного канона: основные этапы формирования мессианско-эсхатологического культа Учителя праведности/ Под ред. А.Е. Грузова. – СПб.: Алетейя, 2004. – С. 168.

²⁹ Дамасский документ (CD) (ספר ברית דמשק — Книга Дамасского завета) - один из кумранских свитков, сочинение, в котором представлены взгляды религиозной группы, покинувшей Иудею и переселившейся в «землю Дамасскую» (если понимать это название буквально). О существовании сочинения было известно с 1896 г. по двум фрагментам, обнаруженным в Каирской генизе. В Кумране были найдены значительные фрагменты этого сочинения, позволяющие составить представление о его структуре и содержании. Кумранская версия является сокращенным вариантом более пространного прототипа. Старкова 1996 – Старкова К.Б. Дамасский документ (CD)//Тексты Кумрана. – СПб.: Памятники Востока VII. Серия осн. 1993 г. Центр Петербургское востоковедение. Институт востоковедения РАН Санкт-Петербургский филиал, 1996. – С.22-24.

³⁰ Зубер-Яникум Н.Е. От Кумрана до Новозаветного канона: основные этапы формирования мессианско-эсхатологического культа Учителя праведности/ Под ред. А.Е. Грузова. – СПб.: Алетейя, 2004. – С. 169.

Следует знать, что некоторые и ее оспаривают, поэтому она и не помещена среди общепризнанных. Другие же расценивают ее как необходимую, особенно для людей, знакомящихся с началами веры. Поэтому ее, как мы знаем, читают всенародно в церквях, и мне известно, что некоторые из древнейших писателей ею пользовались^[31].

Несмотря на то, что Пастырь включали в канон Писаний такие видные авторитеты, как Ириней Лионский, Тертуллиан, Ориген, хотя она редко читалась на богослужениях, ее каноничность отвергается канонам Муратори^[32].

Книга Пастырь – апокрифический апокалипсис, появившийся в лоне Римской церкви и представляющий ее дальнейшую судьбу^[33]. Ее автор Герм (Hermas, Ἑρμῆν), имя, по всей видимости, которого встречается в приветствии апостола Павла в послании к Римлянам:

Приветствуйте Асинкрита, Флегонта, Герма, Патрова, Гермия и других с ними братьев [Рм 16:14]

Пастырь представляет собой составное сочинение, созданное по-

³¹ Евсевий Памфил 1982-1985 – Евсевий Памфил. Церковная история // Богословские труды/ Московская Патриархия. – М.: 1982 – 1985. – С.31.

³² Вермеш Г. Христианство: как все начиналось /Пер. с англ. Г.Г. Ястребова. – М.: Эксмо, 2014. – С.254. *Канон Муратори*, или *Мураториев канон* – это один из наиболее важных документов для ранней истории канона Нового Завета. Он содержит 85 строк, написанных на «народной латыни» с большим количеством грамматических ошибок. Названный по имени своего открывателя, видного итальянского историка и богослова Людовика Антонио Муратори, он был опубликован в 1740 году. Со слов Брюса Мецгера, «это – образец небрежности, с какой переписчики копировали рукописи». Текст представляет собой рукопись VIII века, ранее хранившуюся в древнем монастыре в Боббио, а ныне – в Амброзийской библиотеке в Милане (MS J. 101 sup.). В ней 26 листов (27-17 см.) на грубо выделанном пергаменте. Она содержит несколько богословских трудов трех Отцов Церкви IV – V веков (Евхерия, Амвросия и Златоуста) и несколько ранних Символов веры. Похоже, что рукопись была обиходной книгой какого-то монаха, который записывал в нее разнообразные тексты из разных источников. Среди канонических книг в каноне Муратори содержатся четыре Евангелия, Деяния апостолов, 13-ть посланий апостола Павла, а также Апокалипсис Иоанна и Апокалипсис Петра, который не рекомендуется читать в церкви. Мецгер Б. М. Канон Нового Завета. Происхождение, развитие, значение. Пер. с англ. Д. Гзаян. – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 1998. – С.189.

³³ Преображенский, Асмус, Дунаева 1994 – Преображенский П., Асмус В., Дунаева А.Г. Писание Мужей Апостольских. Введения, перевод с греческого и примечания. – Рига: Изд. Латвийского библейского общества. Репринт. изд. 1895 г. дополненное, 1994 г. – С. 167.

этапно примерно с 90 до 150 г. в Риме или в его окрестностях^[34]. Книга состоит из пяти Видений (*Visiones*, Ὁράσεις), двенадцати Заповедей (*Mandata*, Ἐντολή) и десяти Подобий (*Similitudines*)^[35]. В произведении отражается контаминация еврейских и эллинистических традиций, а название связано с тем, что пастырем был некий посланник, раб Бога, который объяснял Герму христианское нравственное учение, говоря прежде всего о покаянии. В этом учении есть интересная особенность: после крещения покаяние возможно лишь единожды [Заповедь 4.3.1.]. Согрешающий христианин имеет единственный второй шанс вернуться к Богу [Видение 2.2.4 – 5; Заповедь 4.4.4.]. Если он впадет в грех после второго прощения, это влечет за собой вечное отлучение от церкви и вечное проклятие^[36].

Некоторые исследователи называют это произведение «псевдо-апокалипсисом» из-за отсутствия в нем типичных, по их мнению, эсхатологических тем данного жанра^[37]; тем не менее, в нем есть Видения, каждое из которых состоит из нескольких элементов: а) перенесение неким духом к месту видения; б) подготовка к видению (пост и молитва); в) описание самого видения, состоящее из диалога между дающим откровение и Гермой. В диалогах подчеркивается наивность вопросов Гермы, не понимающего апокалиптических образов и их задачи.

Гуляя в окрестностях Кумских в то же примерно время, что и в прошлом году, вспомнил я о прежнем видении, и снова вознес меня дух туда же, где прежде было видение. Достигнув того места, я преклонил колена и начал молиться Господу и прославлять имя Его за то, что Он удостоил меня и открыл мне прежние грехи мои. И когда восстал я от молитвы, увидел пред собою ту старицу; которую видел прежде: она гуляла и читала какую-то книгу (*Herm* 2.1.).

Явившаяся в первом Видении дряхлая женщина символизирует печальное положение церкви; в последующих Видениях она стано-

³⁴ Ауни Д. Е. Новый Завет и его литературное окружение. – СПб. РБО, 2000. – С. 243.

³⁵ The Apostolic Fathers II. 1950 - The Loeb Classical Library. *The Apostolic Fathers II.// The Shepherd* (Ποιμήν). With an English translation by Kirshopp Lake. V II. Cambridge Massachusetts. Harvard University Press. London. William Heinerman LTD. 1950. – P. 305.

³⁶ Вермеш Г. Христианство: как все начиналось /Геза Вермеш; пер. с англ. Г.Г. Ястребова. – М.: Эксмо, 2014. – С. 254.

³⁷ Ауни Д. Е. Новый Завет и его литературное окружение. – СПб. РБО, 2000. – С. 243.

вится моложе и крепче и, наконец, в четвертом видении, после того как Герм миновал огненно-красное чудовище (будущее гонение), она является юной готовой к венцу невесты^[38]. При каждом явлении Герме даются увещания и сообщаются откровения. В пятом видении пришедший к Герме в одежде пастуха ангел объясняет суть видений чрез заповеди и подобия видения.

Первая заповедь — о вере в единого Бога, удерживающей человека от зла. Вторая — о простоте и невинности. Третья — о любви к истине, при чем разъясняется, что прежние грехи не должны быть причиной отчаяния, так как они исправляются последующей жизнью. Четвертая запрещает блуд, узаконивает развод за прелюбодеяние и за уход в идолопоклонство и разрешает второй брак, рекомендуя, однако, оставшемуся в живых супругу безбрачие. Здесь же говорится об однократном покаянии, как средстве избавиться от грехов после крещения. Пятая заповедь повелевает быть великодушным и приветливым, так как гневливость является следствием привязанности к земным интересам. Шестая говорит о двух ангелах, добром и злом, находящихся при каждом человеке. Седьмая внушает бояться Господа и не страшиться дьявола. Восьмая перечисляет дела, которые должен совершать боящийся Господа. Девятая говорит о молитве. Десятая запрещает печаль, так как печаль происходит или от сомнения, или от гневливости. Одиннадцатая — о пророчестве. Двенадцатая — о злых пожеланиях. На высказанное Гермой сомнение в исполнимости всех этих заповедей пастырь с гневом отвечает, что кажущаяся трудность заповедей зависит именно оттого, что человек начинает колебаться и сомневаться еще прежде, чем приступил к осуществлению их. Дьявол также не препятствует, так как он не может принудить человека к чему-нибудь против его воли. В девяти подобиях перед Гермой раскрывается опять ряд видений, чрез которые пастырь разъясняет ему христианское нравственное учение. Например, во втором подобии обвинившая вокруг вяза виноградная лоза приносит плод лишь потому, что опирается на вяз, а не лежит на земле; она представляет желательные в христианстве отношения богатых и бедных: одни помогают другим делами благотворитель-

³⁸ Троицкий 1904 – Троицкий С.В. Православная богословская энциклопедия. Том 5, столб. 493. Издание Петроград. Приложение к духовному журналу "Странник" за 1904 г. – С. 493.

ности, те оплачивают им усердной, угодной Богу молитвой. Девятое подобие, составляющее по объему четверть всей книги, изображает состояние церкви под образом созидания башни^[39].

Книга Пастырь, с нашей точки зрения, является достаточно типичным апокалиптическим произведением, поскольку кроме нравственного учения автор особым образом видит практическую жизнь отдельного человека и перспективу существования церкви в глобальном плане. Церковь в Пастыре – главное творение Бога, но это не религиозная организация, это собрание святых, живущих напряженной духовной жизнью, это христиане, которые для Творца стали смыслом и целью человеческой истории, тем, что создается здесь и сейчас и будет существовать вечно во Вселенной.

Популярность апокалиптической литературы как в древности, так и в определенные исторические периоды новой и новейшей истории в разных странах на разных континентах обусловлено тем, что авторам удается соединить личную и глобальную эсхатологию с учением о грехе. Личная греховность каждого человека и порочность этого мира понятна духовно зрелому человеку; логический конец жизни человека – смерть. Почему этот мир должна постигнуть иная участь? Преодоление своих греховных склонностей ведут человека к духовному освобождению и, в конечном итоге, соединению со Спасителем, которое произойдет во время Его Второго пришествия. Небольшая группа избранных, чаще всего гонимых христиан, растворенных в этом греховном мире повсеместно, обретет духовную свободу и спасение в свое время, которое может наступить здесь и сейчас в любое мгновение для одних авторов или с некоторой отсрочкой для других, но конец этого мира уже предreshен. Обращаясь к небольшой общине в целом и к каждому отдельному ее члену лично, автор от имени Иисуса Христа задает вопросы: Церковь Моя, ты готова к встрече со Мною? Где ты, бессмертная душа, собираешься вечность проводить?

³⁹ Там же: – С. 493